

Эпическая модель мира и конфликт (на материале произведений А.С. Пушкина)

Исторически первая и основная модель эпоса строится на единстве человека с миром, родовой и личностной общности (См. об этом: Хализев В.Я. Драма как явление искусства. М.,1986). Дальнейшее вычленение субъекта из мира и возникновение отношений противостояния и враждебности не до конца вычеркивают закрепившийся генетически идеал гармонии. Поэтому эпически настроенная личность тяготеет к мирному улаживанию конфликтов или уходу от конфликта. Позиция непротивления злу насилием, как правило, является следствием не только индивидуально личностных исканий того или иного автора, но в первую очередь его глубинной эпической ориентации. Соответственно адекватно выражается она именно в эпических формах. Эпический склад мышления предполагает также наличие многочисленных мнимых или ложных конфликтов, как правило, выступающих как внешние.

«Повести Белкина» строятся на внешнем конфликте, который оказывается легко разрешимым и заканчивается благополучной развязкой. «Смертельная» вражда двух родов, возникшая без особых к тому оснований, прекращается, не нуждаясь в особых тому объяснениях, и не препятствует более соединению пушкинских Ромео и Джульетты («Барышня-крестьянка»). Герой, несколько лет вынашивавший планы мести, в желанный миг демонстрирует не предполагаемую кровожадность, а всего лишь снайперское мастерство («Выстрел»). Трагическое пророчество отца не сбывается, и блудная дочь приезжает в родные места не в рубище, а в богатой карете («Станционный смотритель»). Ужасы и кошмары встречи с загробным миром оказываются всего лишь сном («Гробовщик»). Романтическая героиня, которой судьба подсовывает «не того», по истечении нескольких лет убеждается, что подлинное счастье она может обрести не с собственным избранником, а с человеком «метели», случая, судьбы («Метель»).

Конфликт «Повестей Белкина» зачастую оказывается надуманным героями, обусловлен непониманием человеком своих собственных потребностей. Пушкинское доверие к жизни в болдинском цикле безгранично: повороты судьбы оказываются более благоприятными, чем те, которых герои желают себе сами, несчастья и неприятности являются преходящими, а конфликты мнимыми. «Проза жизни», как и подобает ей по законам рода, лишена той глубинной трагедийности, которую несут в себе «Маленькие трагедии».

В эпических произведениях Пушкина торжествует эпическое сознание, несущее с собой приятие мира и доверие ко времени, все расставляющему по своим местам. Эпическое сознание как исходную выдвигает установку на понимание как родственного, так и чуждого, что в принципе исключает отрицание (понять – значит простить). Идеалу справедливости противопоставляется идеал милосердия. Агрессивность, часто сопутствующая борьбе за справедливость, ставится под сомнение, тогда как идея терпимости и снисхождения к объективно или субъективно «падшим» (Ср.: «И милость к падшим призывал») утверждается как безусловная. Эпическое сознание предполагает прежде всего активность духовных исканий и только потом активность действия.

Особенности эпической модели мира наиболее явно обнаруживаются при сопоставлении ее с драматической. Наличие цели и динамика жизненного поведения, направленная на реализацию этой цели, активная жизненная позиция приводят драматический потенциал личности в действие. Отказ от единственного и исключительного жизненного интереса, живой отклик на множественные проявления бытия, доверие к объективному течению жизни, фактически реализующееся как доверие ко времени знаменуют собой проявления эпической настроенности личности, готовой отказаться от активного действия в том случае, если это действие конфликтно по отношению к наличной жизненной ситуации, к сложившимся нормам реальности, даже если субъективно они представляются

несправедливыми или неистинными. В эпическом мире объективное торжествует над субъективным. Как следствие готовности субъективного принять объективное без борьбы, условий и оговорок в эпических произведениях в конечном итоге торжествует гармония. Эпический герой уповает не на собственные усилия, а на время, приносящее с собой конечное и безусловное торжество справедливости. Смирение перед всем, исходящим извне, и нетерпимость к собственным порокам, греховности – идеал эпического сознания, формирующийся на основе христианского идеала и в целом соответствующий религиозным добродетелям.

Эпический подход к миру базируется на сознании, что жизнь далеко не исчерпывается отношениями действия-противодействия, хотя и невозможна без них, поэтому при всей драматической настроенности эпического персонажа, он способен переключаться на сферы жизни, далеко отстоящие от переживаемого им конфликта (или конфликтов). Конфликт – временно необходимый момент в структуре эпического текста, здесь границы конфликта не совпадают. Завершенность художественного мира эпического произведения создается не посредством единства действия (как в драме), а за счет единства авторского замысла, авторской концепции мира. Множественность крупных и мелких конфликтов в «Евгении Онегине», каждый из которых обрастает обилием ассоциаций, сопровождается массой расширяющих конфликтное поле реминисценций, книжных и житейских параллелей; богатство лирических отступлений, уводящих от конфликта («забалтываюсь донельзя»), реалистическая полнота и многообразие, иногда противоречивость мотивировок – все это размывает четкие контуры конфликта, указывает на его эпический характер.

Вместе с тем пушкинская художественная конфликтология отличается чрезвычайной простотой и ясностью. Интрига, создается ли она усилиями противников или случайным стечением обстоятельств, сведена до минимума. Искренний и простодушный, Пушкин чуждается интриганства в жизни и не испытывает потребности поэтизировать то, что сколько-нибудь связано с

интригой. В запутанном характере действия, нагромождении перипетий, резких и неожиданных изменений, внезапных поворотов, всевозможных осложнений и т.п. Пушкин видит занимательность, достигаемую искусственным путем. Для обычной жизни естественно в целом предсказуемое развитие событий, в котором особенно сокрушительным оказывается ограниченное количество перипетий, понимаемых в аристотелевском смысле, то есть внезапных переходов от счастья к несчастью. В «Медном всаднике» конфликт разворачивается как следствие резкого перехода от мечты о счастье к несчастью, чем акцентируется трагичность существования человека, знающего не счастье, а лишь мечту о нем. Аристотелевская перипетия в пушкинской трактовке – это переход от фантазии или иллюзии к реальности, значительно более жестокой и беспощадной, чем можно предвидеть.

Конфликт – эпизод, фрагмент жизни, не исчерпывающий собой жизнь (хотя изнутри, субъективно переживаемый героем как жизнь в целом) и должен восприниматься именно как фрагмент, не подменяющий собой целое. Это формула эпического конфликта, конденсирующая специфику эпического сознания.

Эпическое отношение к конфликтам базируется на мироощущении личности, готовой подчиниться целому, довериться течению жизни, времени, отказавшись от выдвижения целей, которые предусматривают борьбу, разрушающую предполагаемую гармонию. Подчинение личностной активности естественному течению времени (утро вечера мудренее) – девиз эпоса.